

планку» интеллектуальной честности, творческой самоотдачи, неизменной щедрости в передаче знания и профессионального опыта.

Как преподаватель Сергей, с 2004 г. — профессор Секиринский, воспитал несколько поколений людей науки и культуры. Именно воспитал, а не просто обучил ремеслу и ознакомил с историей как предметом. Своих студентов он вёл путём диалогичности познания, развивал их критическое мышление и умение чувствовать тонкости в интерпретации исторического материала. Сам облик и стиль общения Секиринского напоминал ученикам о русских профессорах «дореволюционной» школы, а его научно-педагогическая позиция всегда предполагала этическое, ценностное «измерение» присутствия в профессии.

Любимым детищем Сергея являлся, конечно же, задуманный им и талантливо воплощённый (практически в одиночку!) журнал «Историк и Художник». Вопреки множеству понятных трудностей — финансовых, технических, организационных — этот подвижнический проект стал ярким интеллектуальным явлением московской культурной жизни. Он органично совместил в себе печатное издание, междисциплинарную дискуссионную площадку, ценный образовательный ресурс и, наконец, клуб профессионалов и любителей истории.

Именно о таком единстве научно-литературно-художественных форм и сфер Сергей всегда мечтал. В этом опыте, унаследованном от отечественной журналистики XIX столетия, он видел питательную среду для возникновения качественно нового гуманитарного знания. На «вечерах» журнала «Историк и Художник», где собирались не только единомышленники, но и оппоненты (а именно интеллектуальные «стычки» часто и порождали неожиданные идеи), Сергей создавал нечто вроде зачатка «кремниевой долины» для гуманитариев. И у него это получалось. Пусть недолго и в ограниченном масштабе, но по сути — удалось. И это нужно с благодарностью помнить.

Время позволило отпустить гнев на судьбу, отведшую Сергею так мало времени, но боль осталась. Впрочем, в памяти ещё звучат интонации его голоса — они всегда подбадривали, подчас утешали, звали к размышлениям, убеждая срочно (а как иначе!) написать какую-то очередную совместную «нетленку», выступить на каком-то чрезвычайно важном мероприятии или непременно высказаться о чём-то актуальном «здесь и сейчас». Одним словом: бодрствовать, не отчаиваться, не прерывать полёт мысли, строить планы... Мягко-ироничный по своей природе, Сергей был чужд высокопарности. Но со своим в высшей степени серьёзным, ответственным отношением к главной миссии — сближению исторической науки, художественной культуры и общественной мысли — он шёл к труднодостижимому *идеалу*. Вопреки жизненным сложностям и недугам, внешним обстоятельствам и внутренним сомнениям.

А значит, мы продолжим диалог. Будет интересно.

Василий Зверев: Историк и художник

Vasily Zverev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Historian and artist

DOI: 10.31857/S2949124X25020063, EDN: DPMMFM

Когда уходит близкий человек, внутри остаётся пустота. И чем старше становишься, тем острее понимаешь, что уже никто и никогда её не заполнит.

В юности, в окружении сверстников, мир кажется большой распахнутой книгой, которую ещё предстоит прочесть, и от этого, при всей неустроенности и безалаберности молодости, тебя переполняют чувства радости межличностных отношений, дружбы и доверия. Потом, к сожалению, они не то чтобы уходят, а как-то истончаются, мельчают. С годами замолкают привычные номера телефонов, и начинаешь ненавидеть глаголы совершенного вида в прошедшем времени. За всем этим — те, кого уже нет рядом... Можно сколько угодно твердить о несправедливости земного устройства, о том, что уходят лучшие, но, если честно, то в этом — больше эгоистической жалости к себе от осознания утраты. И ещё — от укоризны: что имеем, не храним — потерявши, плачем...

Мобильный телефон Сергея замолчал 8 ноября 2012 г. Я и предположить не мог, что случилось непоправимое. Подумал, что села батарея. Чертыхнулся и поворчал: накануне поздно вечером говорили о его предстоящей поездке во Францию, он готовил выступление, и с утра я вспомнил, что упустил в беседе некоторые детали. А тут — «отключён или недоступен». Но уже через несколько минут обухом по голове ударил звонок из редакции журнала: Сергей Сергеевич умер.

...Возвращаюсь назад, чтобы вспомнить, понимая, что обрывки зафиксированных и сохраняемых в памяти эпизодов наших встреч и разговоров остаются единственной возможностью воскресить хотя бы на время образ Сергея. Делаю это наугад, поскольку никогда не вёл дневников, и сверить современные ощущения с прошедшим крайне трудно. И хотя хронология, конечно, важна, порой и без неё бывает проще: не так сковывает привязка к конкретной дате.

Кажется, впервые фамилию Секиринский услышал от всезнающего В.Г. Джангирияна в пору аспирантской вольницы, почти свободной от посещения занятий и обязательных экзаменов. То ли в Ленинской библиотеке, то ли в курилке истфила Университета дружбы народов он сообщил о скорой защите диссертации, посвящённой французской историографии русской революционной демократии 1860–1870-х гг. «Защита должна быть интересной», — полуконфиденциально, полудоверительно сообщил Джан, оставляя решение о её посещении на моё усмотрение.

Защита запомнилась свободной манерой изложения диссертанта и скрываемым им внутренним волнением, которое, тем не менее, ощущалось и порой прорывалось. Кстати, эту манеру прятать собственную напряжённость и некоторую неуверенность Сергей, как мне кажется, пытался заглушить, вернее, отогнать от себя, переходя в открытый и свободный диалог-размышление, будь то в разговоре с собеседником, во время проведения вечеров журнала «Историк и Художник» или при обсуждении какой-то проблемы. Он будто постоянно сомневался в собственном видении дела. Важнее оказывалось не итоговое решение, пусть даже пришедшее на ум именно ему, а сам процесс поиска истины. В этом не было никакой позы, нарочитой красоты. Полная естественность свидетельствовала о том, что Сергей был свободным человеком. Свободным в поступках, манере поведения, мышлении. И это подкупало.

Сказать честно, пойму я это позже, когда узнаю его ближе. А в далёком уже 1984 г. мы только познакомились, и, как мне однажды сознался Сергей, моего присутствия на защите он не помнил, что и не мудрено. Настоящее сближение произошло позднее, в годы перестройки. Затеянное В.М. Шостаковским реформирование Московской высшей партийной школы соединило нас на кафедре, которую возглавил С.В. Кулешов. Для меня это стало началом

преподавательской деятельности, а у Сергея уже был по сравнению со мной большой опыт работы, и Кулешов настоятельно рекомендовал посетить его лекции. Я воспринял данную рекомендацию как руководство к действию, и однажды без предупреждения (допустив тем самым бестактность) наведалься в большую аудиторию, где он читал лекцию перед потоком слушателей. Никогда не забуду, как удивлённо поползли у Сергея вверх брови, когда он заметил меня. В перерыве, когда мы попивали кофе, он ворчливо попенял: «Мог бы и предупредить». Но узнав причину моего появления, с присущей ему мягкой иронией сказал: «Ну, что ж, коллега, учитесь, набирайтесь опыта». Мы весело посмеялись.

Чувство юмора Сергею занимать не приходилось, а диапазон восприятия смешного был широк, включая и обязательную самоиронию. Смеялся над метко брошенной фразой, анекдотом искренне, как ребенок. Сам шутил не зло, а его юмористические наблюдения можно назвать добродушным подтруниванием. Я это почувствовал, когда нам приходилось готовить совместные материалы, и мы на слух проверяли результаты написанного. Порой весело «переругивались», выискивая некоторые «блохи», или пытались найти точную формулировку. Мне уже тогда показалось, что Сергей обязательно должен слышать мелодию, интонацию фразы, её звучание, которые одновременно с содержанием, темпом и ритмом повествования составляли необходимые элементы привлечения внимания читателя и его убеждения в верности выраженной мысли.

Сергей был мастером стилистики. И этому дару оставалось только завидовать. Причём его тексты не только точны и отточены, но также образны и метафоричны. Не часто я встречал людей из нашего цеха историков, кто так трепетно относился бы к соответствию формы и содержания. Думаю, от этого проистекал и его талант редактора. Помню, как однажды в редакции журнала «История СССР» я увидел довольно объёмную рукопись статьи. «Это у меня в работе», — заметил Сергей. Я попросил разрешение посмотреть текст, и, увидев не только многочисленные поправки, но и значительные сокращения, сказал:

— Ты тут как косой прошёл.

— А куда деваться? Чехов прав, краткость — сестра таланта...

— Но тёща гонорара.

— Так и поступим: оставим тёщино тёще, а автору — авторово...

...С ним было интересно общаться, а потом молча обдумывать высказанную мысль, соотнося её с собственными представлениями.

Сергея отличало умение найти новую исследовательскую проблему, позволявшую по-иному посмотреть на, казалось бы, давно известные факты. Тут он шёл парадоксальным путём столкновения абсолютно несопряжённых и вроде бы противоречивых величин, буквально фонтанируя идеями, которые его волновали и вызывали у него исследовательский интерес. Причём Сергей оттапливался от постановки вопроса, а не от позитивистского накопления «фактов», которые будто бы должны подсказывать столь желанный многим «объективный» и «несомненно верный и выверенный» результат.

Ему же хотелось понять не только то, *что* произошло, но и *как* в исторической ретроспективе возможно интерпретировать случившееся. Человеческое измерение минувшего казалось ему весьма значимым и нуждающимся в привлечении необычных, сравнительно редко используемых источников. Так, од-

нажды Сергей заявил: «Представляешь, как интересно было бы показать историю XIX века через литературных героев — Чацкого, Онегина, Болконского, Безухова». Идея действительно выглядела заманчивой и одновременно трудно-исполнимой. Но чувствовалось, что Сергей уже «заболел» ею. Вскоре под его редакцией вышел сборник статей (37 печатных листов!) «История России XIX—XX веков: новые источники понимания» (М., 2001), где анализировалось разнообразное отражение исторических реалий в литературном творчестве. Я с удовольствием прочёл книгу и пожалел, что, несмотря на неоднократные приглашения, так ничего для неё и не написал, хотя подходящие сюжеты имелись. В «отместку» за неповоротливость Сергей в дарственной надписи пожелал мне «творческого динамизма» и подчеркнул последние слова. Чувствуя за собой вину, я согласился рецензировать это издание. И только выполняя своё обещание, обнаружил, что в статье «Боборыкин: зарисовки для истории либеральной личности» Секиринский использовал, не считая других источников, все 12 томов сочинений П.Д. Боборыкина, выпущенных в 1884–1886 гг.

Немного позднее он задумался о том, как события отечественной истории изображались в нашем кинематографе. Его навели на эту мысль четыре экранизации «Капитанской дочки» А.С. Пушкина, в которых акценты расставлялись в зависимости от переживаемой эпохи. Этим заинтересовались и кинематографисты. Помнится, мы с Секиринским даже приняли участие в совместном с ними «круглом столе». После этого Сергей решил подготовить подборку статей, посвящённых данной теме. Я, откровенно говоря, сомневался в реализации его намерения. Но ошибся: через некоторое время книга «История страны / История кино» (М., 2004) вышла. Работа удалась. Сергей «вложился» в неё как организатор, автор и редактор. И это дорогого стоило.

Сергей был человеком увлекающимся. Его глаза светились от радости научного поиска и творчества, когда он говорил о волновавшей его теме, о сделанных находках, о ярких деталях, запомнившихся при анализе материала. По его наблюдениям, частности, черты быта и т.п. иногда дают для понимания минувшего больше, чем фундаментальные и аргументированные рассуждения о причинах и следствиях процессов и явлений. Поэтому он желал соединить в исследованиях художественный образ и исторический факт, пробиться через очарование творческой фантазии людей прошлого к реальной, неприкрашенной действительности их жизни, собрать на одной площадке историков и художников.

Собственно, это и привело к созданию журнала «Историк и Художник», бессменным редактором которого в течение четырёх лет (с 2004 по 2008 гг.) являлся Сергей. Уверен, что ничего подобного не было и, увы, теперь долго не будет в отечественной периодике. И дело не только в рубрикации, ярких и содержательных публикациях и т.п., но прежде всего — в творческой раскрепощённой атмосфере доверия и взаимопонимания, возникавшей благодаря Сергею, который собственно и был одновременно историком и художником.

...Прошло более 12 лет после смерти моего друга, и я по возрасту уже стал старше его. Многого поменялось, многие изменились. А мне всё сильнее хочется вернуться назад, набрать уже несуществующий телефонный номер, договорить с Сергеем о недосказанном, о чём-то поспорить... И всё чаще вспоминаю нашу встречу в декабре 2011 г., когда мы коротали время на пешеходном Арбате за чашкой любимого им чёрного кофе. За окном густыми хлопьями валил снег. Сергей увлечённо рассказывал о работе над историей русского «бонапартизма».

В своей убеждённости и увлечённости он поражал той неброской мужской красотой, которая свойственна только искренним, свободным и честным людям. Я слушал его и неожиданно поймал себя на мысли, что эта встреча навсегда уже отпечаталась в моей памяти. Декабрь 2011 г., пешеходный Арбат, падающий снег за окном...

Владимир Булдаков: Вспоминая замыслы Секиринского

Vladimir Buldakov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Remembering Sekirinsky's plans

DOI: 10.31857/S2949124X25020078, EDN: DPRVRK

Сергея я запомнил сразу. Молодой человек внушительной наружности в ходе дружеского застолья в чём-то горячо убеждал собравшихся — уже «заматерелых» историков. Его слова воспринимали сочувственно, но как-то отчуждённо, словно заранее с ним соглашались. Дело обычное, однако, меня поразило, когда в последующем коротком разговоре он неожиданно обвинил самого себя в том, что был недостаточно убедителен.

Пафос его выступлений со временем стал более понятен. Будучи сыном историка, он рано осознал, что во времена позднего застоя история, как наука, оказалась творчески истощённой. Дух поиска выхолащивался, жажда открытий иссякла; и хотя по инерции проводились конференции, защищались диссертации, писались монографии и статьи, «новых подходов» не наблюдалось. Научная продукция перешла в «количественное» состояние, одобренное «социологизмом». В своё время П.А. Флоренский заметил, что «общество подчиняется законам статистики и социологии постольку, поскольку оно прозябает, а не живёт. Другими словами, поскольку *нет* истории, а есть *быть*»¹⁴. Впрочем, это понимали многие, однако среди людей моего окружения выход готов был искать, кажется, один Секиринский.

Сегодня причины сложившегося тогда положения очевидны, хотя многим не хочется о них вспоминать, — проще вновь погрузиться в забвение смыслов прошлого, прикрываясь отработанным «историографическим» многословием. Зачем что-то доказывать, искать новые сюжеты, когда всё *уже* сказано? История в очередной раз превратилась в служанку политики и идеологии и напоминает о себе лишь неловкими попытками растормошить обывателя.

Сергей Секиринский искал выход из этой ситуации всю свою, увы, недолгую жизнь. Конечно, как и все, он писал книги и статьи, читал лекции, но цель его заключалась в другом, — и это нашло отражение в его тематических предпочтениях. Занимаясь историей общественного движения в России, он не удовлетворялся изучением «сухих» идеологических продуктов — публицистики, записок, проектов и т.п., особенно если они отрывались от полнокровных людей. Он обращался к прошлому через культуру, прежде всего — через художественную литературу изучаемого времени. Так в центре его внимания оказалась «периферийная» проблематика: роль художника как *участника*, *свидетеля* и *исследователя* коллизий истории. Такой взгляд сказался на источниковой базе и общей направленности защищённой им докторской диссертации «Русский

¹⁴ Флоренский П.А. У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). Т. 2. М., 2013. С. 17.